

Глава I. Об опыте нравственной путаницы

“долг

сущ. 1) сумма денег, взятая взаймы; 2) денежное обязательство; 3) чувство благодарности за оказанное одолжение или услугу.

Оксфордский словарь английского языка

“Если вы должны банку сто тысяч долларов, вы принадлежите банку. Если вы должны банку сто миллионов долларов, банк принадлежит вам.

Американская пословица

Два года назад, по странному стечению обстоятельств, я оказался на пикнике в Вестминстерском аббатстве. Мне там было не очень уютно. Не то чтобы остальные гости были неприятны или недружелюбны; да и отец Грейм, устроивший пикник, был исключительно радушным и обходительным хозяином. Но я себя чувствовал не в своей тарелке. В какой-то момент отец Грейм подошел ко мне и сказал, что у фонтана неподалеку стоит человек, с которым я точно захочу пообщаться. Этим человеком оказалась элегантная, хорошо одетая молодая женщина, которая, как он мне объяснил, была адвокатом. «Но она скорее активист — работает в фонде, который предоставляет юридическую поддержку группам, борющимся с бедностью в Лондоне. Я думаю, вам есть о чем поговорить».

Мы стали болтать. Она рассказала о своей работе, я — что много лет участвую в движении за глобальную справедливость, «антиглобалистском движении», как его обычно называют в СМИ. Ей это было интересно: она, разумеется, много читала о Сиэтле, Генуе, слезоточивом газе и уличных столкновениях, но... чего мы всем этим добились?

— На самом деле, — сказал я, — по-моему, за эту пару лет нам удалось добиться на удивление многого.

— Например?

— Ну например, нам удалось почти полностью уничтожить МВФ.

Что такое МВФ, она вообще не знала — такое часто встречается. Тогда я пояснил, что Международный валютный фонд действует в основном как мировой выбиватель долгов:

«Можно сказать, что в мире высоких финансов это эквивалент тех ребят, которые приходят и ломают тебе ноги». Я пустился в исторические объяснения и рассказал, как во время нефтяного кризиса 1970-х годов страны ОПЕК закачали свалившиеся на них богатства в западные банки, так что те не знали, куда вложить все эти деньги; как Citibank и Chase стали отправлять по всему миру своих агентов, которые должны были убедить диктаторов и политиков стран третьего мира брать займы (в те времена это называлось «динамичными банковскими услугами»); как они предложили крайне низкие процентные ставки, которые почти сразу взлетели до 20 % или около того из-за ужесточения монетарной политики в США в начале 1980-х годов; как в 1980–1990-е годы это привело к долговому кризису в странах третьего мира; как затем в дело вступил МВФ, который, стремясь добиться от бедных стран возвращения займов, стал настаивать на том, чтобы они отказались от субсидирования цен на базовые продукты питания или даже от политики поддержания стратегических продовольственных резервов, а также от бесплатного здравоохранения и бесплатного образования; как всё это привело к крушению системы оказания необходимой помощи самым бедным и обездоленным людям на Земле. Я говорил о бедности, о расхищении общих ресурсов, крушении обществ, неискоренимом насилии, недоедании, беспросветности и погубленных жизнях.

— Но какова была ваша позиция? — спросила меня юрист.

— Относительно МВФ? Мы хотели его упразднить.

— Нет, я имела в виду долг стран третьего мира.

— О, его мы тоже хотели упразднить. Мы требовали от МВФ, чтобы он немедленно прекратил навязывать программы структурных реформ, которые наносили странам прямой ущерб, и нам удалось этого добиться на удивление быстро. Более долгосрочной целью была долговая амнистия. Нечто в духе библейского отпущения грехов. По нашему мнению, — сказал я ей, — тридцати лет перекачивания денег из беднейших стран в богатейшие достаточно.

— Но, — возразила она так, как если бы это было само собой разумеющимся, — они заняли деньги! Разумеется, каждый должен выплачивать свои долги.

Тут я понял, что наш разговор будет идти совсем в ином ключе, чем я себе представлял.

С чего начать? Я мог бы объяснить, что эти займы брали никем не избранные диктаторы и затем прямоком переводили их на свои счета в швейцарском банке, и попросить ее оценить, насколько справедливо требовать, чтобы долги кредиторам не возвращались диктатором или хотя бы его дружками, а выплачивались за счет того, что голодных детей в буквальном смысле лишали пищи. Или подумать о том, сколько из этих бедных стран уже выплатили по три-четыре раза то, что занимали, но благодаря волшебству сложного процента это особенно не сказывается на основной сумме долга. Я мог бы также заметить, что есть разница между тем, когда долг рефинансируется, и тем, когда рефинансирование долга обуславливается требованием, чтобы эти страны следовали ортодоксальным экономическим принципам свободного рынка, которые разрабатывались в Вашингтоне или Цюрихе и

которые не получали и никогда не получают одобрения граждан этих стран, и что не совсем честно сначала добиваться от этих стран принятия демократических конституций, а потом настаивать на том, чтобы избранные лица, кем бы они ни были, не могли контролировать проводимую страной политику. Или что экономические принципы, навязываемые МВФ, просто не работают. Но была более существенная проблема, которая заключалась в самом допущении, что долги должны выплачиваться.

Действительно, особенность утверждения, что «каждый должен выплачивать свои долги», заключается в том, что даже в соответствии со стандартной экономической теорией это неправда. Предполагается, что кредитор берет на себя определенную степень риска. Если бы все займы, сколь бы идиотскими они ни были, должны были бы возвращаться — скажем, если бы не было законов о банкротстве, — то результаты были бы ужасными. Разве у кредитора были бы причины не выделять глупый заем?

«Да, я знаю, что это кажется очевидным, — сказал я, — но самое забавное в том, что с экономической точки зрения займы не должны так работать. Предполагается, что благодаря финансовым институтам денежные ресурсы превращаются в выгодные капиталовложения. Если бы банк гарантированно получал обратно свои деньги плюс процент вне зависимости от того, что он делал, система бы не работала. Представьте, что я отправлюсь в ближайшее отделение Королевского банка Шотландии и скажу „Знаете, я тут получил точные сведения о лошадях, участвующих в скачках. Что, если вы мне одолжите пару миллионов фунтов?“ Разумеется, они лишь посмеются надо мной. А всё потому, что они знают, что если моя лошадь не придет первой, то они ни за что не смогут получить свои деньги обратно. А теперь представьте, что есть закон, согласно которому они гарантированно получают свои деньги, что бы ни произошло, пусть даже это означает, что я должен — не знаю — отдать мою дочь в рабство, или продать органы, или сделать еще что-нибудь в таком роде. Ну в таком случае почему бы и нет? Зачем с нетерпением ждать, пока зайдет кто-то, у кого есть толковый план по созданию прачечной или чего-то подобного? В сущности, именно такую ситуацию МВФ создал в глобальном масштабе — иначе откуда бы взялись все эти банки, стремящиеся всучить миллиарды долларов первой же попавшейся кучке жуликов?»

Продвинуться дальше мне не удалось, потому что как раз в этот момент появился подвыпивший финансист, услышавший, что мы говорим о деньгах, и начавший рассказывать забавные истории о моральном риске, которые очень скоро перетекли в долгий и не очень захватывающий отчет об одном из его завоеваний на личном фронте. Меня стало клонить ко сну.

Однако на протяжении нескольких следующих дней у меня в голове продолжала звучать эта фраза: «Разумеется, каждый должен выплачивать свои долги».

Ее сила в том, что она представляет собой утверждение не экономического, а нравственного порядка. В конце концов, разве нравственность не подразумевает, что нужно выплачивать долги? Возвращать людям то, что ты им должен. Брать на себя ответственность за свои действия. Выполнять свои обязательства по отношению к другим и вместе с тем ожидать, что другие будут выполнять свои обязательства по отношению к тебе. Можно ли найти более очевидный пример увиливания от ответственности, чем отказ

от обещания или неуплата долга?

Я понял, что именно кажущаяся самоочевидность делала это утверждение таким коварным. Логика такого рода может превратить самые ужасные вещи в нечто совершенно безобидное и заурядное. Мои слова могут показаться резкими, но к такого рода вещам трудно относиться иначе, если ты видел их последствия своими глазами. Я видел. Почти два года я жил в горах Мадагаскара. Незадолго до моего приезда там произошла вспышка малярии. Она оказалась особенно губительной потому, что в горных районах Мадагаскара малярию искоренили много лет назад и два поколения спустя большинство жителей утратили к ней иммунитет. Проблема состояла в том, что на программу уничтожения малярийных комаров требовались деньги, поскольку было необходимо постоянно контролировать их численность и проводить обработку инсектицидами, если они начинали активно размножаться. Но из-за бюджетной экономии, навязанной МВФ, правительству пришлось сократить программу мониторинга. Эпидемия унесла жизни десяти тысяч человек. Я видел молодых матерей, оплакивавших своих погибших детей. Ясно, что гибель десяти тысяч человек трудно оправдать тем, что иначе Citibank пришлось бы списывать убытки по безответственно выданному займу, который не имел для баланса банка особенного значения. Но вот приличный человек, работающий ни много ни мало в благотворительной организации, считает это само собой разумеющимся. В конце концов, они были должны, а каждый должен выплачивать свои долги.

***

Несколько недель подряд эта фраза крутилась у меня в голове. Почему долг? Что придает этому понятию такую странную силу? Потребительский долг — двигатель нашей экономики. Все современные национальные государства построены на основе бюджетного дефицита. Долг превратился в ключевой вопрос международной политики. Но, похоже, никто точно не знает, что это такое и как его осмыслить.

Сила этого понятия проистекает из самого нашего неведения о том, что такое долг, из самой его гибкости. Если история чему-нибудь учит, то ее урок таков: нет лучшего способа оправдать отношения, основанные на насилии, и придать им нравственный облик, чем выразить их языком долга, — прежде всего потому, что это сразу создает впечатление, будто сама жертва делает что-то не так. Это понимают мафиози. Так поступают командующие победоносными армиями. На протяжении тысяч лет агрессоры могли говорить своим жертвам, что те им что-то должны: они «обязаны им своими жизнями» (фраза, говорящая сама за себя) просто потому, что их не убили.

Скажем, в наши дни военная агрессия квалифицируется как преступление против человечности и международные суды, когда рассматривают такие дела, обычно требуют, чтобы агрессоры выплачивали компенсации. Германии пришлось выплатить огромные репарации после Первой мировой войны, а Ирак до сих пор платит Кувейту за вторжение, организованное Саддамом Хусейном в 1990 году. Но долг стран третьего мира, например Мадагаскара, Боливии или Филиппин, как представляется, работает совершенно иначе. Почти все государства-должники третьего мира в свое время подверглись агрессии и были

завоеваны европейскими странами — зачастую теми самыми, которым они были должны денег. Так, в 1895 году Франция захватила Мадагаскар, свергла правившую там королеву Ранавалуну III и провозгласила страну своей колонией. Одной из первых вещей, которую сделал генерал Галлиени после «умиротворения», как это тогда называлось, стало обложение малагасийского населения высокими налогами — отчасти для возмещения расходов на завоевание, но еще и для строительства железных и шоссейных дорог, мостов, плантаций и всего прочего, что хотел построить колониальный режим: французские колонии должны были сами себя обеспечивать налогами. Малагасийских налогоплательщиков никогда не спрашивали, нужны ли им железные и шоссейные дороги, мосты и плантации, и не особо допускали к решению вопросов о том, где и как их строить[1]. Напротив, в последующие пятьдесят лет французская армия и полиция перебила немало мальгашей, которые слишком сильно сопротивлялись такому положению дел (по данным некоторых отчетов, свыше полумиллиона во время одного только восстания 1947 года). Мадагаскар никогда не наносил подобного ущерба Франции, но, несмотря на это, с самого начала мальгашам говорили, что они должны Франции денег, и по сей день им твердят, что они должны Франции, и весь остальной мир находит это утверждение справедливым. «Международное сообщество» усматривает в этой ситуации моральную проблему лишь тогда, когда чувствует, что малагасийское правительство слишком медленно выплачивает свои долги.

Но долг — это не только справедливость победителя; он может также служить средством наказания тех победителей, которые не должны были побеждать. Самым ярким примером этого является история Республики Гаити — первой бедной страны, попавшей в бесконечную долговую кабалу. Она была создана бывшими плантационными рабами, которые не только осмелились поднять восстание под лозунгами универсальных прав и свобод человека, но еще и разбили наполеоновские армии, посланные для того, чтобы вернуть их в неволю. Франция сразу же стала утверждать, что новая республика должна ей 150 миллионов франков в качестве возмещения убытков за экспроприированные плантации, а также на покрытие расходов на подготовку провалившейся военной экспедиции, и все остальные страны, в том числе Соединенные Штаты, согласились наложить на Гаити эмбарго до тех пор, пока долг не будет погашен. Выплатить эту сумму (приблизительно 18 миллиардов долларов в сегодняшних ценах) было невозможно, а последовавшее эмбарго сделало название «Гаити» синонимом долга, бедности и человеческой нищеты[2].

Но иногда долг означает ровно противоположное. Начиная с 1980-х годов Соединенные Штаты, настаивавшие на строгих условиях выплаты долга странами третьего мира, стали наращивать военные расходы и сами накопили такие долги, которые легко затмили задолженность всех стран третьего мира, вместе взятых. Внешний долг США облекается в форму казначейских облигаций, которые держат институциональные инвесторы в странах, являющихся в большинстве случаев американскими военными протекторатами (Германия, Япония, Южная Корея, Тайвань, Таиланд, государства Персидского залива). Они покрыты базами США, напичканными оружием и оборудованием, которые как раз оплачиваются бюджетным дефицитом. Сейчас, поскольку в игру вступил Китай (Китай — отдельный случай, ниже мы расскажем почему), ситуация изменилась, но несильно: даже Китай полагает, что наличие у него такого количества казначейских облигаций США делает его до определенной степени заложником американских интересов, а не наоборот.

Так каким статусом обладают деньги, которые постоянно текут в американскую казну? Это займы? Или дань? В прошлом военные державы, имевшие сотни военных баз за пределами собственной территории, было принято называть «империями», а империи регулярно требовали дани с подвластных народов. Американское правительство, разумеется, настаивает на том, что США не империя, но, как нетрудно заметить, единственная причина, по которой оно упорно называет эти выплаты «займами», а не «данью», заключается в том, что оно отрицает реальность происходящего.

С другой стороны, история знает примеры, когда с некоторыми видами долгов и некоторыми типами должников обращались иначе, чем с остальными. В 1720-е годы, когда в британской популярной прессе рассказывалось об условиях содержания в долговых тюрьмах, одна из вещей, которая больше всего шокировала публику, состояла в том, что эти тюрьмы нередко делились на две части. Аристократических узников, для которых недолгое пребывание в тюрьмах Флит или Маршалси было весьма модным времяпрепровождением, обслуживали слуги в ливреях; к ним также регулярно допускали проституток. В «бедной стороне» обнищавшие должники томились в кандалах в тесных камерах; «покрытые грязью и вшами, — как указывалось в одном из отчетов, — они страдали и гибли от голода и тюремной лихорадки»[3].

В определенном смысле нынешнее положение в мировой экономике можно рассматривать как расширенную версию того же самого: США в этом случае будут привилегированным должником, Мадагаскар — бедняком, голодающим в соседней камере; а слуги привилегированного должника будут поучать его, что его проблемы — следствие его же собственной безответственности.

Во всём этом есть нечто более фундаментальное, своего рода философский вопрос, который нам стоит рассмотреть. В чем заключается разница между гангстером, который вытаскивает пистолет и вымогает у вас тысячу долларов «за крышу», и тем же гангстером, который вытаскивает пистолет и требует у вас «заем» в тысячу долларов? В принципе особой разницы нет. Но в некотором смысле есть. Если речь идет об американском долге перед Кореей или Японией, о том, что может измениться баланс сил, что Америка может утратить свое военное преимущество или что гангстер может лишиться своих подручных, то к «займу» начинают относиться совсем по-другому. Он может стать настоящим финансовым обязательством. Но ключевым элементом всё равно будет оставаться пистолет.

Есть старая водевильная шутка, которая излагает то же самое более изящно — в данном случае в интерпретации Стива Райта:

“ На днях я гулял по улице с другом, и вдруг из аллеи к нам выскакивает парень с пушкой и говорит: «Руки вверх!» Пока я доставал бумажник, я думал: «Нельзя отдавать ему всё». Я взял немного денег, повернулся к другу и сказал: «Слушай, Фред, вот пятьдесят баксов, которые я тебе должен». Грабитель так возмутился, что вытащил тысячу своих долларов, заставил Фреда одолжить их мне, наведя на него пистолет, и потом забрал их себе.

В конечном счете человек с пистолетом не должен делать ничего, чего ему делать не хочется. Но для того чтобы эффективно управлять режимом, основанным на насилии, нужно установить некий свод правил. Эти правила могут быть совершенно произвольными. В сущности, неважно даже, что это за правила. Или, по крайней мере, поначалу неважно. Проблема в том, что когда кто-то начинает излагать вещи в терминах долга, то рано или поздно люди неизбежно станут задавать вопрос, кто что и кому на самом деле должен.

Споры о долгах идут уже по меньшей мере пять тысяч лет. На протяжении большей части человеческой истории — по крайней мере, истории государств и империй — большинству людей внушали, что они должники[4]. Историки, прежде всего историки идей, не желали рассматривать человеческие последствия этого с упорством, которое тем более удивительно, если учесть, что такое положение дел больше, чем какое-либо другое, приводило к постоянному возмущению и недовольству. Если вы скажете людям, что они хуже вас, то им это вряд ли понравится, но маловероятно, что они поднимут вооруженное восстание. Если же вы им скажете, что они потенциально равны вам, но не сумели этого доказать и потому не достойны, а значит, и не должны владеть своим имуществом, то вы, скорее всего, возбудите в них ярость. Именно этому история нас и учит. На протяжении тысяч лет борьба между богатыми и бедными зачастую принимала форму конфликта между кредиторами и должниками — спора о справедливом и несправедливом проценте, о долговой кабале, амнистии, изъятии собственности за долги, возврате имущества, конфискации овец, наложении ареста на виноградники и о продаже детей должника в рабство. В то же время в последние пять тысяч лет народные восстания всякий раз начинались с одного и того же — с уничтожения долговых записей в форме табличек, папирусов, счетных книг или в любом другом виде в зависимости от места и времени. (После этого повстанцы, как правило, берутся за записи о земельных владениях и за книги оценки имущества.) Как часто повторял великий историк Античности Мозес Финли, в Древнем мире у всех революционных движений был один лозунг: «Списание долгов и передел земли»[5].

Наше стремление не замечать этого выглядит тем более странным, если обратить внимание на то, сколь значительная часть современной нравственной и религиозной лексики происходит напрямую из таких конфликтов. Слова «расплата» или «искупление» — наиболее очевидные примеры, взятые непосредственно из античного финансового словаря. В более широком смысле то же самое можно сказать о словах «виновный», «свобода», «прощение» и даже «грех». Споры о том, кто что и кому на самом деле должен, сыграли ключевую роль в формировании нашей базовой лексики, касающейся вопросов справедливости и несправедливости.

Тот факт, что столь значительный ее пласт родился в спорах о долгах, делает это понятие удивительно путанным. В конце концов, чтобы спорить с королем, нужно говорить на его языке вне зависимости от того, имеют смысл или нет изначальные предпосылки.

Если взглянуть на историю долга, то в первую очередь обнаруживается, что речь идет о полной нравственной путанице. Наиболее явно она проявляется в том, что повсюду большинство людей полагает, что (1) выплата денег, взятых в долг, — это вопрос элементарной порядочности и что (2) всякий, кто имеет обыкновение давать деньги в займы, есть воплощенное зло.

Хотя, конечно, мнения по этому последнему пункту различаются довольно сильно. Одной из возможных крайностей может быть ситуация, с которой столкнулся французский антрополог Жан-Клод Галей в Восточных Гималаях. Там еще в 1970-е годы низшие касты — их называли «кастами побежденных», поскольку считалось, что они происходят от населения, завоеванного много веков назад кастой нынешних землевладельцев, — жили в постоянной долговой зависимости. Не имея ни земли, ни денег, они были вынуждены просить в долг у землевладельцев, чтобы просто раздобыть еды. Просили они не потому, что им нужны были деньги — суммы эти были мизерными, — а потому, что проценты по долгу несчастные должники возвращали своим трудом. Это означало, что их, по крайней мере, обеспечивали едой и кровом в обмен на то, что они чистили отхожие места в домах кредиторов и перестилали кровлю в их сараях. Для «побежденных», как и для большинства людей в мире, самыми значительными расходами были свадьбы и похороны. На них требовалось немало денег, которые всегда приходилось занимать. Галей пишет, что в таких случаях кредиторы из высших каст обычно требовали в качестве залога одну из дочерей заемщика. Когда бедняк одалживал денег на свадьбу дочери, залогом нередко становилась сама невеста. Она должна была явиться в дом кредитора после брачной ночи, провести там несколько месяцев в качестве его наложницы, а затем, когда она ему надоедала, она отправлялась на какой-нибудь лесоповал неподалеку, где еще год-два отработывала отцовский долг, работая проституткой. После его выплаты она возвращалась к своему мужу и начинала жить семейной жизнью[6].

Это может шокировать и даже возмущать, но Галей не сообщает о каком-либо широко распространенном чувстве несправедливости. Каждый считал, что так просто было заведено. Не выражали по этому поводу особого беспокойства и местные брахманы, являвшиеся высшими судьями в вопросах нравственности, хотя это и не удивительно, если учесть, что они зачастую и были самыми крупными заимодавцами.

Разумеется, даже здесь трудно узнать, что люди говорили за закрытыми дверями. Если бы маоистская повстанческая группировка (в этой сельской части Индии их действует несколько) установила контроль над этой территорией и привлекла местных ростовщиков к суду, мы, возможно, услышали бы самые разные точки зрения.

Однако, как я говорил, описанная Галеем ситуация представляет собой одну возможную крайность — ту, при которой сами ростовщики являются высшими нравственными авторитетами. Сравните это, допустим, со средневековой Францией, где нравственный статус заимодавцев сильно оспаривался. Католическая церковь всегда запрещала ссужать деньги под проценты, но этим запретом часто пренебрегали, и церковные иерархи время от времени устраивали проповеднические кампании, отправляя нищенствующих братьев странствовать от города к городу и предупреждать ростовщиков, что если те не покаются и не вернут полностью все проценты, полученные от своих жертв, то точно попадут в ад.

Эти проповеди, многие из которых до нас дошли, полны ужасных историй о Божьем суде над нераскаявшимися заимодавцами, историй о богачах, пораженных безумием или страшными болезнями, преследуемых на смертном одре кошмарами, в которых змеи или демоны разрывают их на части или пожирают их плоть. В XII веке, когда такие кампании достигли своего пика, стали применяться более прямые меры. Папская курия разослала

приходским священникам инструкции, в соответствии с которыми всех известных ростовщиков следовало отлучить от церкви; они не могли получать доступ к таинствам, а их тела ни при каких условиях нельзя было хоронить на освященной земле. Около 1210 года французский кардинал Жак де Витри записал историю об очень влиятельном заимодавце, друзья которого попытались заставить священника пересмотреть эти правила и позволить похоронить его во дворе местной церкви:

“Поскольку друзья скончавшегося ростовщика были очень настойчивыми, священник уступил их давлению и сказал: «Давайте положим его тело на осла и посмотрим, какова будет воля Божья и что Господь сделает с телом. Куда осел его повезет, будь то в церковь, на кладбище или еще куда, там я его и похороню». Тело положили на осла, который, не сворачивая ни направо, ни налево, повез его напрямик вон из города, туда, где вешают воров, и там так сильно столкнулся с собой труп, что тот полетел в кучу испражнений под виселицей[7].

В мировой литературе почти невозможно найти сочувственные описания заимодавца, во всяком случае профессионального заимодавца, под которым подразумевается тот, кто берет процент. Я не уверен, есть ли другая профессия (палачи?), у которой была бы столь же дурная репутация. Особо примечательно то, что, в отличие от палачей, ростовщики часто числятся среди самых богатых и могущественных людей в своих обществах. Само слово «ростовщик» ассоциируется с грабительскими процентами, грязными деньгами, вымогательством, продажей душ, а за всем этим стоит дьявол, которого зачастую самого представляли в виде ростовщика, зловредного счетовода с его бухгалтерскими книгами или в образе существа, маячащего за спиной ростовщика и поджидающего момента, чтобы заполучить душу подлеца, который, как это явствует из рода его занятий, заключил сделку с адом.

История знает лишь два действенных способа, при помощи которых заимодавец может попытаться избавиться от бесчестья: либо перекинуть ответственность на третью сторону, либо утверждать, что заемщик еще хуже его. Например, в средневековой Европе землевладельцы часто обращались к первому способу, используя в качестве подставных лиц евреев. Многие даже говорили о «наших» евреях, то есть о евреях, находившихся под их личной защитой, хотя на практике это обычно означало, что они сначала лишали евреев, живших на их землях, иной возможности заработать на жизнь, кроме как ростовщицеством (что обеспечивало им всеобщую ненависть), а затем периодически, называя их при этом презренными существами, обращались к ним, чтобы занять денег на свои нужды. Второй способ был, конечно, шире распространен. Но он, как правило, подталкивал к выводу о том, что и заимодавец, и заемщик в равной степени виновны; их сделка — бесчестное дело, а сами они, скорее всего, будут прокляты.

В других религиозных традициях подходы были иными. В средневековых индийских судебных документах не только допускались процентные ссуды (с обязательной оговоркой, что проценты не должны превышать основной суммы займа), но и часто подчеркивалось, что должник, не выплативший долги, в следующей жизни родится рабом в доме своего

кредитора, а в более поздних судебных документах утверждалось, что такой должник станет его лошадью или волком. Столь же терпимое отношение к заимодавцам и предупреждения в адрес заемщиков о кармическом наказании встречаются во многих течениях буддизма. Тем не менее, когда ростовщики заходили слишком далеко, появлялись точно такие же истории, как в Европе. Один средневековый японский автор — он настаивает, что это правдивая история, случившаяся около 776 года, — рассказывает об ужасающей судьбе Хиромусиме, жены богатого правителя области. Эта невероятно жадная женщина

“ добавляла воду в рисовое вино, которое продавала, и получала хороший барыш с этого разбавленного sake. Когда она кому-нибудь что-нибудь одалживала, она использовала маленькую мерную чашу, но в день возвращения долга брала большую чашу. Ссужая рис, она отмеряла маленькие порции, но уплату долга брала большими. Проценты, которые она собирала насильно, были огромными: часто в десять или даже сто раз больше размера займа. Она строго взыскивала долги и ни к кому не проявляла снисхождения. Это повергало в отчаяние многих людей, которые покидали свои дома, чтобы избавиться от нее, и отправлялись бродить по другим областям[8].

После ее смерти монахи семь дней молились над заколоченным гробом. На седьмой день ее тело таинственным образом вернулось к жизни:

“ Те, кто приходил посмотреть на нее, ощущали неопишное зловоние. Выше талии она уже превратилась в вола с четырехдюймовыми рогами, торчащими из лба. Обе руки превратились в воловьих копыта, а ногти растрескались так, что теперь походили на роговые чехлы на воловьих копытах. Но ниже талии тело оставалось человеческим. Ей не нравился рис, она предпочитала ему траву. Пищу она пережевывала, лежа голой в собственных испражнениях[9].

Зеваки сбегались поглазеть на нее. Пристыженная семья отчаянно пыталась купить прощение, списывая все долги, которые ей кто-либо был должен, и жертвуя большой частью своего богатства религиозным учреждениям. В конце концов чудовище, к счастью, умерло.

Автор, который сам был монахом, считал, что эта история служила очевидным примером преждевременного перевоплощения: женщина была наказана кармическим законом за нарушение того, «что было и разумным, и справедливым». Проблема для него заключалась в том, что буддистские писания хотя и рассматривали этот вопрос, но никакого прецедента для осуждения не давали. Обычно в волков перерождались должники, а не кредиторы. В результате, когда настает время объяснить мораль этой истории, изложение становится очень сбивчивым:

“ Как говорит одна сутра: «Когда мы не оплачиваем вещи, которые взяли в займы, мы расплачиваемся тем, что перерождаемся в лошадь или в вола».

«Должник подобен рабу, а кредитор — хозяину». Или же: «Должник — это фазан, а его кредитор — ястреб». Если вы даете кому-то займы, не давите слишком сильно на должника, чтобы он расплатился. Если вы так поступите, вы переродитесь в лошадь или вола и будете работать на того, кто вам должен, и расплатитесь с ним многократно[10].

Так кто кем станет? Не могут же они оба стать скотом один в хлеву у другого.

Все великие религиозные традиции пытаются так или иначе решить этот сложный вопрос. С одной стороны, поскольку любые человеческие отношения основаны на долге, все они предосудительны с моральной точки зрения. Вероятно, обе стороны уже в чем-то виноваты просто потому, что вступают в отношения; по меньшей мере они подвергаются значительному риску оказаться виновными, если просрочат выплату долга. С другой стороны, когда мы говорим, что кто-то действует так, как будто «он никому ничего не должен», мы вряд ли имеем в виду, что этот человек — образец добродетели. В светском мире нравственность в основном состоит в том, чтобы выполнять обязательства по отношению к другим, и мы упорно представляем эти обязательства как долги. Возможно, монахи могут избежать этой дилеммы, полностью отрешившись от мира, но остальные, похоже, обречены на то, чтобы жить в мире, где это не имеет особого смысла.

***

История Хиромусиме прекрасно иллюстрирует стремление обратить обвинение против самого обвинителя. Как и в истории о мертвом ростовщике и осле, испражнения, животные и бесчестье служат инструментами поэтической справедливости, внушающими кредитору то же чувство позора и унижения, что испытывает должник. Всё тот же вопрос «Кто что и кому на самом деле должен?» облекается в более яркую и резкую форму.

Это еще и прекрасный образец того, как человек, задающий вопрос «Кто что и кому на самом деле должен?», начинает говорить языком кредитора. Подобно тому как «мы расплачиваемся перерождением в лошадь или в вола», если не выплачиваем долги, «расплачиваться» придется и безрассудному кредитору. Таким образом, даже кармическое правосудие может свестись к терминам деловой сделки.

Здесь мы подходим к главному вопросу этой книги: что именно мы хотим сказать, когда говорим о том, что наше чувство нравственности и справедливости сведено к терминам деловой сделки? Что означает сведение нравственных обязательств к долгам? Что меняется, когда одно превращается в другое? И как именно мы о них говорим, если на наш язык так сильно повлияли рыночные отношения? С одной стороны, различие между обязательством и долгом очевидно. Долг — это обязательство заплатить определенную сумму денег. Соответственно, долг, в отличие от любого другого вида обязательств, может быть точно измерен. Благодаря этому он становится простым, холодным и безличным понятием, а значит, его можно передавать другим людям. Если ты обязан кому-то услугой или жизнью, то это относится ко вполне определенному человеку. Но если ты должен сорок тысяч долларов под 12 % годовых, неважно, кто твой кредитор. Ни ты, ни он не должны

особо задумываться о том, чего хочет другой участник сделки, что ему нужно или на что он способен, — в отличие от ситуации, когда один чувствует себя обязанным по отношению к другому из уважения или из благодарности или потому, что тот оказал ему услугу. Тут нужно принимать во внимание не человеческие последствия, а основной капитал, баланс, пени и процентные ставки. Если ты лишаешься дома и тебе приходится бродить по другим областям или твоя дочь вынуждена зарабатывать на жизнь проституцией в шахтерском поселке, то для кредитора это лишь досадное, но побочное обстоятельство. Деньги есть деньги, сделка есть сделка.

С этой точки зрения ключевым фактором и сюжетом, которому будут посвящены страницы нашей книги, является способность денег преобразовывать нравственность в безличную арифметику и оправдывать тем самым вещи, которые иначе казались бы непристойными и возмутительными. Фактор насилия, которому я до сих пор уделял такое внимание, может показаться вторичным. Различие между «долгом» и простым нравственным обязательством заключается не в наличии или отсутствии людей с оружием, которые могут взыскать это обязательство, наложив арест на собственность должника или угрожая переломать ему ноги. Оно состоит только в том, что у кредитора есть возможность точно выразить размер долга должника.

Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что два этих элемента — насилие и точное исчисление — тесно связаны. На самом деле одного почти никогда не бывает без другого. У французских ростовщиков были могущественные друзья и крепкие ребята, способные запугать даже церковные власти. Иначе как они смогли бы выбивать незаконные долги? Хиромусиме была непреклонна по отношению к своим должникам и «ни к кому не проявляла снисхождения», но ведь ее муж был правителем. Ей и не нужно было проявлять снисхождение. Те из нас, за кем не стоят вооруженные люди, не могут так выколачивать долги.

К вопросу о том, как насилие или угроза насилия превращает отношения между людьми в математику, мы будем возвращаться снова и снова. Это — первопричина нравственной путаницы, которая окутывает всё то, что связано с тематикой долга. Вытекающие из этого вопроса дилеммы стары, как сама цивилизация. Мы можем наблюдать этот процесс в самых ранних письменных источниках Древней Месопотамии; первое философское выражение он находит в Ведах, затем появляется в бесчисленных формах на всем протяжении письменной истории и лежит в основе ключевых сегодняшних институтов — государства и рынка, равно как и наших базовых представлений о природе свободы, нравственности и общества. На их формирование так сильно повлияла история войн, завоеваний и рабства, что мы теперь этого и не замечаем, потому что не способны даже помыслить, что всё может быть по-другому.

***

Есть очевидные причины, почему сейчас особенно важно переосмыслить историю долга. Начавшийся в сентябре 2008 года финансовый кризис почти полностью затормозил развитие всей мировой экономики. В результате корабли перестали плавать по океанам,

тысячи судов были помещены в сухой док. Строительные краны разобрали, прекратилось строительство зданий. Банки урезали выдачу кредитов. Это не только вызвало ярость и смятение общества, но и повлекло за собой начало серьезной общественной дискуссии о природе долга, денег и финансовых институтов, в руках которых оказалась судьба народов.

Но это продолжалось недолго. Дискуссия толком так и не состоялась.

К такой дискуссии люди были готовы, потому что история, которую им рассказывали последние лет десять, оказалась колоссальным обманом — по-другому и не скажешь. В течение несколько лет каждый из нас слышал о целой уйме новых, необычайно изощренных финансовых новинок: кредитные и товарные деривативы, деривативы, обеспеченные ипотечными облигациями, гибридные ценные бумаги, долговые свопы и т. д. Эти новые рынки деривативов были такими сложными, что, как гласит расхожая история, одна инвестиционная компания обратилась к астрофизикам с целью усложнить торговые программы настолько, чтобы даже финансисты перестали их понимать. Посыл был ясен: оставьте это профессионалам, вам этого всё равно не понять. Даже если вы не особенно любите финансовых капиталистов (а мало кто берется доказывать, что их есть за что любить), они настолько хорошо — даже сверхъестественно хорошо — разбирались в этих делах, что о демократическом контроле над финансовыми рынками не приходилось и думать. (Так считали и многие ученые. Я хорошо помню конференции 2006–2007 годов, на которых модные социальные теоретики выступали с докладами о том, что новые формы секьюритизации, основанные на последних информационных технологиях, — предвестники грядущей трансформации природы времени, возможности и самой реальности. Помню, я еще тогда думал: «Вот болваны!» — и оказался абсолютно прав.)

Позже, когда эйфория прошла, выяснилось, что многие из этих новых форм, если не большинство, были не чем иным, как хорошо продуманными мошенническими схемами. Суть их заключалась в следующем: сначала бедным семьям продавались ипотечные кредиты, состряпанные так, что дефолт по ним был неизбежен; затем заключалось пари на то, через сколько времени держатели обанкротятся; потом множество займов объединялись в «пакеты» и продавались институциональным инвесторам (которые одновременно могли управлять пенсионными счетами держателей ипотек), требовавшим получения прибыли при любом развитии событий и права раздавать эти «пакетные» ипотечки так, как если бы они были деньгами; далее ответственность за уплату пари передавалась гигантскому страховому конгломерату, которого, если он начнет тонуть под грузом долгов (что должно было произойти), пришлось бы спасать налогоплательщикам (позже эти конгломераты действительно спасли)[11]. Иными словами, всё это очень похоже на сильно усовершенствованную версию того, что делали банки, ссужавшие в конце 1970-х годов деньги диктаторам Боливии и Габона: они совершенно безответственно выдавали кредиты, прекрасно осознавая, что, когда об этом станет известно, политики и бюрократы будут из кожи вон лезть, чтобы обеспечить выплату по ним любыми способами, невзирая на количество загубленных ради этого человеческих жизней.

Разница же заключалась в том, что теперь банкиры занимались этим в немыслимых масштабах: общий объем долгов, которые они накопили, превышал совокупный внутренний валовой продукт любой страны мира, из-за чего мир вошел в штопор, а сама система

оказалась на грани уничтожения.

Армии и полиция разных стран готовились бороться с возможными бунтами и беспорядками, но они так и не вспыхнули. Впрочем, не произошло и каких-либо изменений в функционировании системы. В тот момент все осознали, что в условиях, когда рушатся ключевые институты капитализма (Lehman Brothers, Citibank, General Motors), а все их претензии на обладание высшей истиной оказались ложными, мы должны, по крайней мере, снова открыть более широкую дискуссию о природе долга и финансовых институтов. И не только дискуссию.

Казалось, что к радикальным решениям готова бóльшая часть американцев. Исследования показывали: подавляющее их большинство полагало, что банкам помогать не нужно, к каким бы экономическим последствиям это ни привело, зато нужно спасать обычных граждан, отягощенных плохими ипотечными кредитами. Для Соединенных Штатов это очень необычно. Еще с колониальных времен американцы не отличаются сочувствием к должникам, что, вообще-то, странно, поскольку Америка во многом была создана беглыми должниками; но в этой стране представление о том, что нравственность заключается в выплате долгов, распространено шире, чем какое-либо другое. В колониальную эпоху уши несостоятельных должников нередко прибавали к столбам. Соединенные Штаты были одной из последних стран в мире, принявших закон о банкротстве; хотя Конституция, вступившая в силу в 1787 году, обязывала новое правительство разработать такой закон, все подобные попытки отвергались на основании «нравственных принципов» вплоть до 1898 года[12], а его принятие стало эпохальным событием. Возможно, именно по этой причине люди, выступавшие в роли модераторов дискуссий в СМИ, и законодательные собрания решили, что пока еще не время что-либо менять. Правительство США выделило три триллиона долларов на решение проблемы и оставило всё как есть. Банкиров спасли, а мелких должников — за очень редким исключением — нет[13]. Напротив, в разгар самого сильного с 1930-х годов экономического спада против них начинается кампания, раздуваемая финансовыми корпорациями, которые обратились к спасшему их правительству с требованием применить всю строгость закона к обычным гражданам, столкнувшимся с финансовыми проблемами. «Быть должником не преступление, — пишет публикуемая в Миннеаполисе и Сен-Поле газета Star Tribune, — но людей регулярно бросают в тюрьму за невыплату долгов». В Миннесоте «за последние четыре года число постановлений об аресте выросло на 60 процентов, в 2009 году выдано 845 постановлений... В Иллинойсе и Юго-Западной Индиане некоторые судьи отправляют должников в тюрьму за просрочку долговых платежей, назначенных судом. В крайних случаях люди находятся за решеткой до тех пор, пока не находят деньги для внесения минимального платежа. В январе (2010 года) один судья приговорил мужчину из Кенни, штат Иллинойс, к „бессрочному заключению“, пока тот не соберет 300 долларов для уплаты долга лесозаготовительной компании»[14].

Иными словами, мы движемся к воссозданию чего-то похожего на долговые тюрьмы. Между тем дискуссия заглохла, народный гнев против спасения банков ни к чему путному не привел, а мы, похоже, неумолимо катимся к следующей финансовой катастрофе — вопрос лишь в том, как скоро она наступит.

Мы достигли точки, в которой даже МВФ, ныне выставяющий себя в роли совести глобального капитализма, предупреждает, что если мы будем продолжать следовать тем же курсом, то в следующий раз на финансовую помощь рассчитывать не придется. Общественное мнение просто не поддержит такое решение, и тогда всё действительно развалится. «МВФ предупреждает, что второе спасение банков станет „угрозой для демократии“», — гласил один недавний заголовок[15]. (Естественно, под «демократией» имеется в виду «капитализм».) Это означает, что даже те, кто считает себя ответственным за нормальное функционирование нынешней глобальной экономической системы и кто всего несколько лет назад действовал так, будто она будет существовать вечно, теперь повсюду видят апокалипсис.

В данном случае МВФ прав. У нас есть все основания полагать, что мы действительно стоим на пороге эпохальных изменений.

Представлять себе всё вокруг совершенно новым — обычная в таких ситуациях реакция, особенно в том, что касается денег. Сколько раз нам говорили, что благодаря появлению виртуальных денег и переходу от наличности к пластиковым картам и от долларов к движению графиков на мониторах мы оказались в совершенно новом финансовом мире. Очевидно, что представление о том, будто мы находимся на этой неизведанной территории, было одним из факторов, который помог Goldman Sachs, AIG и им подобным убедить людей, что никто не способен понять суть их ослепительно новых финансовых инструментов. Однако если взглянуть на это в более широкой исторической ретроспективе, обнаруживается, что ничего нового в виртуальных деньгах нет. Более того, изначально деньги такими и были. Кредитные системы, таблички и даже расходные счета — всё это существовало задолго до появления наличности. Эти вещи стары, как сама цивилизация. На самом деле история имеет тенденцию двигаться то к периодам преобладания золота и серебра, которые считались деньгами, то к периодам, когда деньги были лишь абстракцией, виртуальной расчетной единицей. Но с исторической точки зрения сначала появились кредитные деньги, и сейчас мы наблюдаем возвращение к представлениям, которые казались очевидными, скажем, в Средние века или даже в Древней Месопотамии.

История преподает нам замечательные уроки того, что нас может ожидать. Например, в прошлые эпохи виртуальных кредитных денег почти всегда создавались институты, которые оберегали систему от сбоев, не позволяя кредиторам вступать в сговор с бюрократами и политиками, чтобы выжимать из должников всё до копейки, как они это делают сейчас. Возникали и институты, защищавшие должников. Новая эпоха кредитных денег, в которую мы живем, началась с шага в ровно противоположном направлении. Она берет отсчет с появления институтов вроде МВФ, цель которых — защищать не должников, а кредиторов. Вместе с тем в историческом масштабе, о котором мы здесь говорим, десятилетие или даже два — пустяк. Мы очень плохо себе представляем, чего нам ждать.

***

История долга, которая рассказывается в этой книге, позволяет задать фундаментальные вопросы о том, чем являются или чем могли быть люди и человеческое общество — что мы

на самом деле друг другу должны и что означает сама постановка этого вопроса. Поэтому книга начинается с попытки развеять целый ряд мифов — не только миф о меновой торговле, о котором речь идет во второй главе, но и соперничающие с ним мифы об изначальном долге по отношению к богам или к государству, которые так или иначе служат основой общепринятых представлений о природе экономики и общества. Согласно общепринятой точке зрения, Государство и Рынок возвышаются над всем остальным как два диаметрально противоположных принципа. Однако исторические факты свидетельствуют, что они появились вместе и всегда были тесно взаимосвязаны. Как мы увидим, общей чертой этих ошибочных концепций является то, что они стремятся свести все человеческие отношения к обмену, как если бы наши связи с обществом и даже со Вселенной можно было бы представить в виде сделки. Это ведет к другому вопросу: если не обмен, то что? В пятой главе, опираясь на достижения антропологии, я начну отвечать на этот вопрос и опишу нравственные основы экономической жизни, а затем вернусь к вопросу о происхождении денег, чтобы показать, что сам принцип обмена в значительной степени возник вследствие насилия и что подлинные истоки денег следует искать в преступлении и возмездии, в войнах и рабстве, в чести, долге и искуплении. Это, в свою очередь, позволит приступить в восьмой главе к истории долга и кредита в последние пять тысяч лет, которая отмечена чередованием эпох виртуальных и реальных денег. Многие открытия здесь будут совершенно неожиданными: это и истоки современных представлений о правах и свободах в древних законах о рабовладении, и истоки инвестиционного капитала в средневековом китайском буддизме, и тот факт, что многие из самых известных утверждений Адама Смита были списаны из работ средневековых персидских теоретиков свободного рынка (это позволяет лучше понять современные призывы политического ислама). Всё это создает фон для непредвзятого подхода к истории последних пяти тысяч лет, на протяжении которых преобладали капиталистические империи, и позволяет нам хотя бы начать отвечать на вопрос о том, что же на самом деле сегодня находится на кону.

В течение очень долгого времени среди интеллектуалов царило негласное правило не ставить Больших Вопросов. С каждым днем становится всё очевиднее, что у нас нет другого выбора, кроме как начать их задавать.

Версия #1

Зверобой создал 26 июня 2025 13:23:50

Зверобой обновил 26 июня 2025 13:28:18